

*10.01.01***Е.А. Ключикова**

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, nese91@gmail.com

ОБРАЗ КОРЕИ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО «ПО КОРЕЕ, МАНЬЧЖУРИИ И ЛЯОДУНСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ»

Статья посвящена анализу образа Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову». При описании Кореи писатель активно использует романтическую образность. В ходе общения с местным населением он пытается реконструировать корейскую мифологическую картину мира, что сближает дневник с произведениями дальневосточных писателей о тайге и таёжной мифологии. Гарин-Михайловский создает образ путешественника-гуманиста, воспринимающего новую территорию сквозь призму традиционной культуры её жителей.

Ключевые слова: *восточный травелог, романтическая образность, корейский фольклор, мифопоэтика.*

Во второй половине XIX века в русской печати появляется большое количество различных публикаций о Дальнем Востоке. Значительную их часть составляют путевые заметки и отчёты о путешествиях. Подобная писательская активность во многом была связана с политическими и экономическими интересами России на Дальнем Востоке. Большинство путешественников, как правило, посещали Китай и Маньчжурию, а также островные государства и колонии европейских государств. Корея оказывалась на периферии внимания русских исследователей Дальнего Востока, которые нередко даже не включали её в маршрут путешествия.

Одним из наиболее значимых текстов путешествий о Корее является дневник известного писателя и инженера Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры» (1899). Писатель посетил северную часть Корейского полуострова в сентябре-октябре 1898 года в рамках экспедиции А.И. Звегинцова. Исследовательская группа писателя должна была обследовать гору Пэктусан, из озера в кратере которой, по легенде брали начало три корейские реки – Туманган, Амноккан и Сунгари. До экспедиции Н.Г. Гарина-Михайловского на горе Пэктусан из европейских путешественников побывал лишь географ и разведчик И.И. Стрельбицкий в 1895 году. В ходе экспедиции Н.Г. Гарин-Михайловский также выступил в качестве собирателя фольклора и после возвращения из путешествия опубликовал сборник корейских сказок, который стал одним из первых собраний актуального на тот момент корейского фольклора.

На наш взгляд, важным контекстом при анализе путевой литературы о Корее как новой территории является американская литература фронта. Е.А. Стеценко отмечает, что «фронт способствовал становлению романтического мировосприятия, приближая человека к природе и формируя у него представления о связи свободы с не испорченной цивилизацией жизнью» [7, с. 179]. Романтическая образность в целом характерна для путевых очерков о Китае и Корее. Н.Г. Гарин-Михайловский намеренно сравнивает Корею с Америкой как непознанной прекрасной территорией. Автор строит параллели между фактами корейской жизни и произведениями авторов романтической литературы: «*Эти девственные места ждут ещё своих охотников, своих Эмаров и Куперов! <...> разбойники хунхузы, как оказалось, – такая же реальная величина здесь, какую некогда были индейцы в свое время в Америке*» [2, с. 234]. Призвание в Корею «Эмаров и Куперов» неоднократно повторяется в

тексте путешествия. Писатель активно использует романтическую образность для описания корейской природы и жизни. Так, озеро в кратере горы Пектусан сравнивается с глазами Лорелеи.

Е.А. Стеценко также указывает на то, что для европейцев, приезжавших в Америку, «переход через океан, из Старого света в Новый сопровождался переходом в иной пространственно-временной континуум. Перемещение в пространстве означало перемещение в иные временные параметры, в иную историческую реальность» [7, с. 298]. Восточные тревелогии демонстрируют подобное отношение: путешественники всегда особо маркируют переход между Западом и Востоком, либо между Россией и Востоком. Так, Н.Г. Гарин-Михайловский описывает отплытие из России в Корею на закате: *«гаснет солнце, синее стена, мрачная и грозная, и уже вспыхивают по ней зарницы, как сторожевые огни сказочной крепости. Холодом ночи веет оттуда»* [2, с. 112]. Восток представляется ему страшной, сказочной стороной.

По аналогии с американской литературой фронта исследователи русской литературы дальневосточного зарубежья выделяют понятие «фронтирная мифология». В её основе лежат мифологические представления о тайге как сакральном пространстве. Исследователи (А.А. Забияко [4], И.А. Дябкин [4], Е.Р. Абдуразакова [6]) реконструируют «таёжный пантеон», который формируется в текстах дальневосточных писателей первой половины XX века, а также в фольклоре русского населения Дальнего Востока, отчасти перенявшего мифологические представления китайцев и маньчжуров. Центральным топосом в данных мифологических представлениях является маньчжурская тайга, образ которой выстраивается на основе религиозных представлений русских и китайцев. Для пространства маньчжурской тайги характерны традиционные представления о лесе, существующие и в русском фольклоре: «Рациональное начало, определяемое потребностью выживания («таежная грамота»), неотделимо в сознании таежного жителя от иррационального: <...> страха нарушить табу – неписаный «закон тайги» [4, с. 155]. Корейское население Дальнего Востока исследователями практически не затрагивается. Тем не менее, нам представляется продуктивным применить результаты исследования таёжных мифологических представлений в русской дальневосточной литературе к анализу текста Н.Г. Гарина-Михайловского.

Под влиянием рассказов корейцев Гарин-Михайловский называет лес *«царством тигров, барсов и хунхузов»* [2, с. 201]. Однако встреча с хунхузами изображена иронически, поскольку вместо грозных разбойников, путешественники встретили нищих китайцев: *«И вдруг из глубокого оврага выходят... два оборванных китайца... - Хунхузы... - испуганно шепчут мне. Но я рад: я наконец-то вижу их, а то ведь приеду – спросят: "Хунхузов видели?" – нет. Теперь они передо мной. Ничего, что они оборванные, с желтыми лицами, жалкие. У старика испитое, бледное от опиума лицо...»* [2; с. 206].

По мере общения с корейцами, а также продвижению вглубь тайги на пути к священной корейской горе Пэктусан, текст путешествия начинает приобретать всё больше отсылок к верованиям корейцев. С одной стороны, Гарин-Михайловский как собиратель корейского фольклора записывает от своих проводников легенды и сказки и на их основе пытается реконструировать корейскую мифологическую картину мира. Он видит в корейской народной религии результат слияния буддизма, конфуцианства и шаманизма. Особенно важную роль в жизни корейцев писатель отводит шаманам, которые могут определить удачное место для строительства дома или захоронения человека. С другой стороны, в тексте начинают появляться указания на то, что путешественник, с определённой долей иронии и скепсиса, сам начинает в описании некоторых событий ссылаться на верования корейцев: *«Проводник вскользь, угрюмо бросил несколько слов. – Молится, – перевел мне П.Н., – говорит, дракон это, не надо смотреть и лучше уйти. Рассердится – худо будет. – Скажите ему, что я очень извиняюсь перед драконом, но мне необходимо снять фотографию с его дворца»* [2, с. 214].

Н.Г. Гарин-Михайловский воспринимает себя и своих спутников как первопроходцев. Когда автор описывает, как корейцы рассказывают и слушают сказки, он переживает за то, что в недалёком будущем *«всесокрушающая культура»* изменит жизнь Кореи, и называет себя *«пионером этой культуры»* [2, с. 137].

Важной особенностью взгляда Гарина-Михайловского на Корею и корейцев, отличающей его от авторов других путевых очерков, в которых фигурирует Корея, И.А. Гончарова и Н.М. Пржевальского, является то, что писатель оперирует понятием «культура», а не представлениями о государственной необходимости или результатами размышлений о судьбах наций. Гарин-Михайловский не выступает в своём путешествии как политик. В первую очередь, он является инженером-исследователем и писателем. П.В. Алексеев выводит образ «русского путешественника с книгой и нагайкой в руках» [1, с. 31]. Н.Г. Гарин-Михайловский следует советам русских пограничных служащих о том, что при общении с корейцами не стоит прибегать к оружию. И как писатель, и как собиратель фольклора, и как инженер он оказывается «русским путешественником с книгой».

П.В. Алексеев также отмечает, что для русского человека на Востоке сформировалась особая модель поведения и восприятие иной культуры: «обязательное глубокое погружение в восточный менталитет (протеизм на грани отступничества) и право на собственно русское познание и присвоение Востока» [1, с. 20]. Корейцы-собеседники писателя указывают на историческую несправедливость по отношению к их народу, поскольку полагают, что род маньчжурской династии, правящей в Китае, происходит из Кореи: *«гробницы там, а род отсюда, и китайцы живут за счёт корейского счастья»* [2, с. 136]. Мотив потерянного или украденного счастья оказывается одним из основных в речи корейцев: *«корейское счастье пропало, нет у корейцев счастья»* [2, с. 254]. В приводимых писателем традициях корейцев мотив счастья также присутствует и приобретает иногда странные для европейца воплощения – необходимо найти счастливую гору для захоронения родственника и поиск этой горы не заканчивается на первом захоронении – нередко покойников перезахоранивают несколько раз, в надежде найти правильную гору.

Гарин-Михайловский связывает навязчивый поиск счастья с тем, что корейцы как народ психологически остаются детьми. Этот вывод писатель делает также на основании того, что корейцы, с которыми он общался по пути, верят в рассказываемые ими сказки. Выступая в роли фольклориста, тем не менее, писатель даёт оценки жизни народа и винит в этом всё тот же фольклор: *«На склонах гор его растёт дикий виноград, в долинах дикие яблони, вишни и сливы, в горах золото, железо, серебро, свинец и каменный уголь. Но ничего этого не надо корейцу: ему нужны сказки о счастье»* [2, с. 167]. Настойчивое восприятие корейцев как «вечных детей» соотносится с идеями И.А. Гончарова о возрастах народов.

Н.Г. Гарин-Михайловский указывает, что он готовился и читал книги о Корее, однако в дневниках нет указания на то, какие именно источники о Корее он читал. К концу XIX века в Корее была сложившаяся литературная традиция, сохранившаяся по письменным источникам с XII века (однако исследователи указывают на появление литературных текстов уже в начале первого тысячелетия н.э.). Многие сюжеты, которые Гарин-Михайловский приводит в своих записках и относит к сказкам, известны именно по письменным источникам и скорее всего в отношении них произошёл процесс вторичной фольклоризации. Так, Н.И. Никулин отмечает, что писатель включает в свой сборник сказок тексты, явно восходящие к известным литературным произведениям, например, к «Повести о Чхунхян» конца XVIII века: «благодаря Гарину в России ещё в конце XIX в. узнали о Чхун Хян и других героинях и героях средневековых корейских повестей задолго, более чем за полвека до того, как появились их переводы с корейского на русский язык» [5, с. 122].

Не только отечественные, но и корейские исследователи отмечают значительный вклад Н.Г. Гарина-Михайловского в корейскую фольклористику. На наш взгляд, использование в путевом дневнике обширных отсылок к корейской мифологии и фольклору углубляет понимание иной культуры. Однако писатель осмысляет Корею исключительно через традиционную культуру и таёжную мифологию. Литературная и философская традиция

Кореи остаётся за пределами авторского взгляда.

Путевой дневник Н.Г. Гарина-Михайловского также представляет особую ценность как для востоковедения, так и для истории русской литературы как наиболее обширное и глубокое воплощение русского взгляда на Корею на рубеже XIX-XX веков.

Список литературы

1. *Алексеев П.В.* Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // *Филология и человек.* 2014. № 2. С. 34-46.
2. *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений в 5 томах. Том 5. М.: ГИХЛ, 1958. 719 с.
3. *Дябкин И.А.* Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: дисс. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2014. 186 с.
4. *Забияко А.А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // *Религиоведение.* 2011. № 2. С. 154-169.
5. *Никулин Н.И.* Н.Г. Гарин-Михайловский как собиратель корейского повествовательного фольклора // *Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие.* М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 101-128.
6. *Ориентальная тема в литературе метрополии и русского зарубежья Дальнего Востока: коллективная монография.* Биробиджан: ГОУВПО «ДВГСГА», 2010. 163 с.
7. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1996. 312 с.